

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Интервью Т.М. Малевой с академиком РАН, д.э.н. **Т.И. Заславской**

Т.И. Заславская — доктор экономических наук, академик РАН, профессор факультета Московская школа социальных и экономических наук ГОУ ВПО Академии народного хозяйства при Правительстве РФ; председатель правления Левада-центра, член академии Европы, почетный член Польской академии наук, доктор философии Оберлинского колледжа, Джорджтаунского и Пенсильванского университетов (США), университета Хельсинки (Финляндия) и пр.

Лауреат премии им. А.П. Карпинского (Фонд Тёнфера, 1989, ФРГ) и Демидовской премии (Демидовский фонд, 2000, Россия, Екатеринбург). Основатель Новосибирской экономико-социологической школы. Область научных интересов: методология социальных наук, общая и экономическая социология, теории посткоммунистических трансформационных процессов.

Автор и редактор 75 монографий и более 500 научных статей, изданных в России и за рубежом.

Татьяна Ивановна, Ваша многолетняя научная деятельность всегда была связана с социальными проблемами. В последние годы социальные факторы развития приобрели значительный вес во всем мире. Как Вы это объясняете? Это действительно новый этап социально-экономического развития, когда человеческий капитал выходит на первый план? Или же не роль социальных факторов растет, а приходит понимание этой роли?

На мой взгляд, повышение роли социальных факторов общественного развития — имманентное свойство человеческой цивилизации. Причем с течением времени этот процесс заметно ускоряется. Ведь уровень развития цивилизации определяется, по большому счету, природными условиями, технической и технологической базой, социальной структурой, культурой и человеческим потенциалом обществ. Причем не только техническая база,

но и природные условия все в большей степени зависят от деятельности людей, имеющей социальную природу.

Я родилась в 20-х годах XX столетия и являюсь свидетелем колоссальных цивилизационных сдвигов в организации человеческой жизни за эти годы. В период моего детства и юности в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности России преобладал неквалифицированный ручной труд с помощью простейших орудий и механизмов, часто не требовавший и начального образования. Теперь же ведущие отрасли экономики (нефтедобыча, газ, электроэнергия) практически полностью автоматизированы. Для их обслуживания требуется гораздо меньше труда, но это совершенно иной, высококвалифицированный и чрезвычайно ответственный труд, подразумевающий как принципиально иное *социальное качество* работников, так и иное институциональное устройство экономики.

В России социальная политика проходила несколько стадий. В Советском Союзе она имела всеобъемлющий и системный характер, на первых фазах институциональных реформ в начале 1990-х гг. она была отодвинута на задворки, а на этапе экономического роста в 2000-х гг., наоборот, переместилась в начало политической повестки. Это проявление цикличности или же Вы считаете, что социальная политика наконец заняла достойное место в системе государственных приоритетов?

Разрешите не согласиться с тем, что советская социальная политика была всеобъемлющей и чуть ли не совершенной. Так она может видаться только в сравнении с лихими 1990-ми годами, когда «социальной политики» не было вообще. Я уже не говорю о таком элементе советской социальной политики, как ГУЛАГ, поглотивший жизни многих миллионов достойных людей, в том числе бывших гордостью русской культуры (Шаламов, Мандельштам, Чичибабин и масса других, буквально стертых в порошок).

Но дело не только в этом. Возьмем десятки миллионов колхозников, которые до конца 1950-х гг. жили впроголодь и при этом, не имея паспортов, были практически прикреплены к земле, как крепостные. Уехать из деревни в город можно было только до 16 лет, а также через службу в армии или вербовку на несколько лет на лесозаготовки и другие тяжелые работы. До 1959 г. крестьяне не имели пенсий, и их труд в общественном хозяйстве почти не оплачивался. Колхозная деревня Нечерноземья была своего рода концентрационным лагерем, вырваться из которого можно было лишь в детстве.

Гипотеза же цикличности кажется мне надуманной. На самом деле растущее внимание власти к социальной политике, иными словами, к людям как социальным и экономическим акторам — это объективный вызов современности, в частности процессов модернизации и глобализации. Уровень и использование человеческого потенциала все в большей степени определяет место стран в современном мире. В наше время империя Чингисхана не имела бы шансов выжить. Не случайно недавно отстававшие Китай, Корея, Индия интенсивно развивают высшее образование, посылают молодежь учиться, чтобы осваивать высокие технологии. Качество национальной системы образования во многом определяет будущее страны. И чем выше развиваются технологии, тем роль человека становится больше. Возьмите хотя бы Саянскую ГЭС. Ясно, что в катастрофе виноваты люди... Роль человеческого фактора в развитии обществ объективно растет, а значит, дальновидная социальная политика становится одним из важнейших средств, способных обеспечить успешное развитие страны.

Главный недуг российской экономики — низкая производительность труда. Мы в разы отстаем по этому показателю от стран — экономических лидеров. Сегодня много говорят об инновационной экономике и прорыве в области техники и технологий. Как Вы считаете, дело только в технологической отсталости? Или существуют специфические социальные факторы, которые обуславливают низкую производительность труда в России?

На мой взгляд, русская культура труда все еще несет на себе отпечаток многовекового рабства большинства населения — сначала царского, а потом советского «крепостничества». У россиян сравнительно слаба установка на «трудовую доблесть». Труд как таковой, его результат для большинства не является ценностью. Гораздо важнее ценность заработка, удобного режима труда и отдыха, относительной автономии (начальник не стоит над душой...). Видимо, эти качества передаются через гены. Крепостные крестьяне трудились подневольно и ненавидели труд «на барина», а это было большинство населения. Активную часть общества составляли *государственные крестьяне*, которые были более свободны и потому более активны, и *третье сословие* формировалось в основном из них. Недавно один мой ученик проанализировал русские народные сказки на предмет выявления народных идеалов. На большом материале он показывает, что таким идеалом является печь, которая сама отвозит героя к речке, откуда выскакивает золотая рыбка, исполняющая его потребительские желания. Такова наша культура, и меняется она медленно. Это показывают все международные исследования ценностей, в которых участвует Россия.

Татьяна Ивановна, в последнее время Вы занимались вопросами непрерывного и дополнительного образования. Но в современной России это явление пока еще не стало социальной нормой. Абсолютное большинство сегодняшних работников — обладатели давно полученных дипломов и никогда не обращались ко второму или дополнительному образованию. Многие и не чувствуют в этом необходимости. Это придет со временем или же нужно принимать какие-то меры?

Общность, которую мы изучали, — особая. Это слушатели программ МВА Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Во-первых, это не просто дополнительное образование, а целенаправленное двухгодичное, причем дорогое обучение бизнесу. Во-вторых, это бизнесмены, одна из главных особенностей которых — в системе ценностей. Выше всего (наравне с семьей, любовью, детьми) они ценят *возможность управлять своей судьбой*. Между тем для большинства россиян эта ценность не существует, они к этому не стремятся и даже не задумываются о такой возможности. Поэтому они могут обратиться к дополнительному образованию либо под внешним давлением, и в этом случае результат будет небольшим, либо в связи с убедительным стимулом, например возможностью получить более интересную и выше оплачиваемую работу. Здесь есть широкое поле для деятельности государства. Но, во-первых, необходим строгий контроль, поскольку стимулирующие вложения в инновационные проекты чаще всего «распиливаются» наверху пирамиды, а вниз передается лишь малая часть финансов. А во-вторых, важно, чтобы сама экономика предъявляла спрос на более квалифицированные кадры и оплачивала их труд заметно выше.

Но тем не менее можем ли мы считать, что эти люди составляют социальную базу модернизации, о которой говорят политики и мечтают многие эксперты?

Я в этом сомневаюсь. Чего они хотят, ради чего они учатся, о чем мечтают? Разумеется, все это очень дифференцировано: есть люди, которые вообще еще не работали в бизнесе, есть капитаны бизнеса. Цели и ценности разнятся в зависимости от того, на какой ступени они стоят. Если на нижней, то у них главное — карьера, переход в другой статус, большая самостоятельность и т. д. Если на самой верхней, их цель — выйти на новые рынки, производить уникальную продукцию, реализовать инновационный процесс. Но этих людей сравнительно мало. Мы пытались идентифицировать образ успешного российского бизнесмена: какие деловые и личностные качества ему присущи? Инновационность, конечно, присутствует в перечне этих качеств, но такое впечатление, что это не главное. На первые места выходят гораздо более примитивные факторы. «Инновационность» звучит как доброе пожелание, но она развивается не на уроках, а в процессе деятельности. Сделал бизнесмен какой-то рискованный шаг — получилось. Он делает следующий шаг — получилось. Третий сделал — не получилось, значит, надо по-другому. И так все время. А наша экономическая жизнь, по-моему, совершенно к этому не располагает. Если бизнесмены средней руки видят, что успеха на рынке можно добиться не путем инноваций, а лоббистскими и неформальными путями, это отбивает охоту к инновациям. Мы же знаем, сегодня в экономике добиваются успехов не те, кто вкладывается в технологии и модернизацию производства. Такое институциональное устройство общества и экономики модернизациям и инновациям не содействует.

Здоровое общество — это не однородное в социальном отношении общество, ведь бедные, средние и богатые существуют всегда и везде. Здоровое общество — это то, в котором работают «социальные лифты», позволяющие людям подниматься с низких статусных позиций на более высокие. У нас эти «лифты», увы, не работают. Что же является мотором этих «лифтов»? И что нужно, чтобы они работали?

Вы сами ответили на этот вопрос. Работа «лифтов» зависит именно от здоровья общества. А наше общество здоровым не назовешь, напротив, оно глубоко больно. Главная болезнь нашего общества — это вошедшая в его кровь и плоть коррупция, ставшая одним из базовых институтов. При таком масштабе коррупции деньги, земля и другие элементы богатства вместо стимулирования деловых достижений играют роль «смазочных материалов» в «распиливании» средств, выделяемых на модернизационные проекты. И я не сказала бы, что государство борется с коррупцией, скорее оно на ней базируется (примером могут служить хотя бы выборы). Деньги, выделяемые на государственные проекты, прежде всего распределяются между главными авторами и участниками, а потом обнаруживаются многомиллионные недостатки и на реализацию проектов идет лишь остаток. Поэтому так часто возникают технические катастрофы, одна крупнее другой. И в дальнейшем они неизбежно будут учащаться, ведь не ремонтировалась 20 лет не только Саянская ГЭС, а едва ли не все крупные предприятия, шахты, железные дороги. Если не удастся преодолеть системную коррупцию, нас может ждать общая техногенная катастрофа, чреватая гибелью массы людей.

А «социальные лифты», о которых Вы говорите и которые необходимы обществу, как человеку дыхание, в таких условиях не могут работать. Их место занимают частные «подъемные краны», подбор «своих людей», нередко связанных общей криминальной деятельностью, пусть даже прошлой.

Самая большая беда — государственный авторитаризм, т. е. откровенная подчиненность судебной и представительной ветвей власти исполнительной. За последние десять лет право стало игрушкой в руках чиновников и, следовательно, перестало быть правом. Кроме того, многие правоохранительные органы (типа Басманного суда) глубоко коррумпированы и действуют по приказу сверху.

К сожалению, ни царская, ни советская Россия никогда не была *правовым государством*. У современных россиян нет опыта жизни и деятельности, основанной на праве. Не случайно Горбачев видел главную задачу перестройки в превращении СССР в правовое государство. Неизвестно, удалось бы ему решить эту грандиозную задачу, если бы не было Фороса. Но важно, что эта задача ставилась, а сейчас о ней говорят только правозащитники.

Порядок проведения политических выборов, криминализация милиции, призванной бороться с преступностью, дело Ходорковского и др., а главное — всепроникающая вездесущая коррупция делают разговор о правовом государстве бессмысленным. А реальной борьбы с коррупцией пока нет и, наверное, еще долго не будет, потому что коррумпирована вся пирамида власти. А значит, «социальные лифты» заработают еще не скоро.

Наконец, вопрос, который я не могу не задать. В этом году Независимому институту социальной политики исполняется 10 лет. Вы первый председатель Попечительского совета НИСП, и институт этим очень гордится. Чего, на Ваш взгляд, смог добиться НИСП за прошедшее десятилетие? И каким бы Вы хотели его видеть еще через 10 лет?

А по-моему, это я должна была бы гордиться, что почти 10 лет была председателем Попечительского совета такого замечательного института. Принципы его организации сразу показались мне очень перспективными, но честно скажу, таких достижений, каких сегодня добился НИСП, я не могла бы предсказать. Он занял очень достойное место не только в российской, но и в мировой социально-экономической науке. В чем я вижу его особенности и достижения?

Прежде всего это действительно НЕЗАВИСИМЫЙ институт, реализующий собственные научные программы в соответствии со своими приоритетами. НИСП самостоятельно зарабатывает средства на проведение исследований, самостоятельно выбирает их тематику и направления, разрабатывает методологию и методику, организует реализацию проектов. Причем внимание его сотрудников концентрируется на наиболее важных и актуальных проблемах социальной политики, имеющих большое практическое значение. Насколько я знаю, разработки НИСПа не только доходят до правительства, но и воспринимаются им серьезно и уважительно.

Внутренняя организация НИСПа весьма эффективна. Ежегодно читая его годовые отчеты, я каждый раз задавалась вопросом: как такой небольшой коллектив (всего около 30 человек) смог выполнить такую огромную и разностороннюю работу? Институтом проводятся широкие экономико-социологические исследования. Тематика исследований НИСПа широка, разносторонняя и актуальна. Она охватывает большую часть наиболее сложных социально-экономических проблем России. Это и социальная структура общества (с особым вниманием к среднему классу), и экономическое неравенство, бедность, и социально-экономические проблемы российского

здравоохранения, и социальная дифференциация образования и много-много других проблем. Причем все эти проблемы изучаются не в отдельных городах и не в среднем по России, а в разрезе всех объектов Российской Федерации — от Москвы до Чукотки.

Очень важно, что НИСП работает не сам по себе, а в тесной кооперации с другими научными коллективами, выступая в качестве лидера и содействуя общему повышению уровня российской социологии.

Добиться таких успехов за десять лет, начав с нуля, это, по-моему, громадное достижение.

Что касается следующих 10 лет, то я пожелаю бы институту не сдавать завоеванных позиций и двигаться вперед во всех отношениях: поднимать выше методологическую и методическую культуру в науке, задавать планку для других исследований, а также укреплять связь с Правительством РФ, словом, все более полно, качественно и эффективно выполнять функции Института независимой социально-экономической экспертизы.

Татьяна Ивановна! Большое спасибо за сегодняшнее интервью и, еще больше, за многолетнее сотрудничество с институтом.